

ПЕЛИКЕН С ВИОЛОНЧЕЛЬЮ И ЛИЦОМ РОСТРОПОВИЧА

Мит. Россия. — 1998. — 20 марта. — с. 14

Было это зимой 1971 года. В скупой информации областного радио прозвучало, что в Магадане состоялся концерт известного виолончелиста Ростроповича. Прошло несколько дней, и в кратеньком объявлении «Советской Чукотки» жители Анадыря извещались, что «в воскресенье 7 марта в 20 и 22 часа в окружном Доме культуры состоятся концерты народного артиста СССР, лауреата Ленинской и Государственной премий Мстислава Ростроповича». Этот же текст дважды был передан по радио.

УЖЕ несколько дней мела пурга. И с пятницы аэропорт был закрыт. В воскресенье пурга так и не унялась. Я пришел в Дом культуры заранее, чтобы взять у маэстро интервью для ТАСС. Первое ощущение: недовольство за горожан — в зале были заполнены всего пять-шесть рядов. И чувство стыда: народного артиста СССР представлял только директор Дома культуры. Никто из официальных лиц на концерт не пришел.

В тот же вечер отправил информацию в ТАСС. Потом меня за нее поблагодарили, но по «редакционным соображениям» она никуда не пошла. ТАСС, как говорили в некоторых случаях, «не был уполномочен заявить» о гастролях Ростроповича. А вот «Голос Америки», говорили тогда же, передавал...

На второй день, 8 марта, в понедельник, был снова выходной. Пурга дула не переставая, и временами ветер достигал ураганной силы. Примерно в два часа дня к нам домой зашел мой добрый друг и земляк Саша Вольфсон. Он предложил: давай, мол, пригласим Ростроповича, если согласится, попить чайку и закусить.

По дороге А.Г. (так друзья иногда называли Вольфсона между собой) сказал, что хочет подарить Ростроповичу костяной нож из мореного клыка.

Пришли в гостиницу. Из номера долго не отвечали: оказалось, что Мстислав Леопольдович вздремнул. Наконец, когда послышалось «войдите», — А.Г. приоткрыл дверь, подтолкнул меня и сунул в руку подарочный нож, а сам остался в коридоре. Признаться, это был первый и единственный случай, когда я видел доктора Вольфсона обреченным.

Тут настала очередь удивляться и Ростроповичу: — Кто это вас подталкивал? — Ваш поклонник. А это его подарок, — ответил я и протянул нож.

Мстислав Леопольдович буквально выскочил из-под одеяла — надо сказать, что в номере стоял собачий холод, а обогревателя не нашлось, — подбежал к двери и широким жестом распахнул ее, приглашая гостя.

Сбиваясь, мы сумбурно изложили свое приглашение. И уже через полчаса великий маэстро сидел у нас дома.

Я с женой Ниной и маленькой дочкой Светланой занимал однокомнатную квартиру, где прожил потом более четверти века. Тесновато. Наш гость извинился, не стеснит ли он ребенка, но девочка думала совсем иначе. И через несколько минут она уже удобно устроилась у гостя на коленях. Девочка только-только научилась ходить, еще не разговаривала, но доброго человека интуитивно определяла сразу. Да и Мстислав Леопольдович очень обрадовался возможности общения с ребенком. Он стал рассказывать о своих дочерях, о жене — Галине Вишневской. Вспоминал детали своего семейного быта — как стирал пеленки детей, гулял с ними. На вопрос моей жены о пеленках удивился и ответил:

— Но Галочка же пела в Большом, и у нее такие красивые руки. А я свой ящик (так он называл виолончель работы ученика знаменитого мастера Страдивари из итальянского города Кремоны Лоренцо Сториани) любимыми руками пилить (то есть играть) могу.

Беседа только-только стала завязываться, как началось. Загудел телефон, и в ближайшие минут тридцать он, по сути, не умолкал. Звонили второй секретарь окружкома партии Р. Николаев, первый заместитель председателя окрисполкома В. Терентьев и чиновники рангом поменьше. Их интерес сводился к одному вопросу: как я посмел пригласить Ростроповича?

Не выдержав телефонного прессинга, мы решили срочно поменять квартиру и перебраться к Вольфсону. Первый вопрос на новом месте: как же музыкант решился приехать в Магадан и на Чукотку?

— А знаете, я об этом даже не помышлял вначале. Просто был уже несколько месяцев «невъездным», а в Москве залов для моих концертов не было, — ответил Ростропович. — Зато Росконцерт предложил гастроли в Сибири и на Дальнем Востоке. Словом, в крупных городах, через которые проходит железная дорога. Я и согласился — не сидеть же дома или на даче. Так добрались мы с моим Дедюхиным (концертмейстер, его Ростропович называл в разговоре несколько иначе) до Хабаровска. Взглянул я на карту, а вверху, в ее правом углу, еще не меньшие расстояния, чем остались за спиной. Так и решил: вряд ли судьба когда позволит мне увидеть, что там, в углу карты. А может, это было Господне Провидение? И я вмиг отказался от поездки во Владивосток. Хабаровская филармония запротестовала, Магаданская дала «добро», и ранним утром следующего дня мы с Дедюхиным уже летели в Магадан.

— Каким он вам показался? — Город впечатляет. Он чем-то в миниатюре, отдельными зданиями, напоминает Ленинград. Только когда вспомнишь, в каких условиях и чьим трудом строился, жутко становится на душе. Но все равно здорово, никак не ожидал увидеть такой город на севере. Но больше всего запомнились его люди, особенно Вадим Козин.

— Вы встречались с ним? — Да, когда Эммочка сказала мне о нем и предложила познакомиться с ним — я даже как-то опешил, так как не думал, что он еще жив. (Эмма Ленивцева — актриса Магаданского театра. Впоследствии играла в Драматическом театре имени Леси Украинки в Киеве.) Я так и сказал Вадиму Алексеевичу, когда Эммочка привела меня к нему: «Старик. Привет. Я рад, что ты еще жив». Снял шляпу, упал на колени...

Через некоторое время нас вычислили и на квартире Вольфсона. Телефон не смолкал. А.Г. не выдержал, взорвался и начал посылать, прикрыв рукой трубку. Куда? Неужели не понятно...

На некоторое время наступило затишье.

Но вот насторожилась, повела носом и запала хозяйская пайка Пушки. В дверь деликатно постучали. Когда А.Г. открыл, на пороге мы увидели смущенных первого секретаря окружкома партии Владимира Петровича Моторина и его жену Ирму Борисовну с небольшим, скромным букетиком цветов. Моторин извинился (он вообще был деликатный человек, не в пример многим своим подчиненным), а Ирма Борисовна спросила, может ли она подарить маэстро цветы.

Моторины попросили, чтоб мы нашего гостя хоть ненадолго отпустили к ним домой. Тут-то и выяснилось, что перед этим, будучи в Магадане, Ростропович предпочел пиршеству, которое закатил первый секретарь обкома С.Шайдунов, встречу с Вадимом Козиным. Ох и не понравилось это Сергею Афанасьевичу! Как это так! Проигнорировали его, и как он со злостью высказался на аппаратном совещании, дескать, хозяина области променяли на какого-то Козина.

— Не на какого-то, — возразил Ростропович, — а на великого артиста и намного более интересного человека, чем Шайдунов.

Возникла неловкая пауза. Выход из этой ситуации нашел Моторин. Он сказал, что заберет нашего гостя этак минут на сорок пять и потом его приведет назад. Но в реальности Моторин с Ростроповичем вернулись лишь через два часа. Зато потом наши разговоры продолжались всю ночь — до самого утра.

В НАШИХ энциклопедиях как-то не принято приводить родовое древо известных людей. Тем более, опальных — а именно таким в ту пору был наш гость. Но все же по одному замечанию можно сделать вывод, что хотя бы по одной — мужской — линии у Ростроповича предки могли быть выходцами из Литвы и должны были принадлежать к старинному шляхетскому роду. Мстислав Леопольдович рассказывал о своих долгих поисках на старинном кладбище в Кракове. Там среди уже замшелых надгробий он нашел надпись на плите, гласящую, что под сим камнем покоится прах бургомистра Кракова Ростроповича. Могилу Мстислав Леопольдович искал, зная заранее, что такое захоронение было...

Между тем о нас вспомнили, и телефон снова стал подавать голос. Звонившие спрашивали Ростроповича и высказывали горячее желание прийти и непременно с ним выпить. Мстислав Леопольдович просил огрadyть его от навязчивых и неинтересных ему собутельников и добавлял, что если они придут, то он «вынужден будет заткнуться». Мы отвечали, что гость ушел, а окрик Моторина время от времени «остужал» не знавших элементарных норм приличия чинуш. По аналогии наш гость рассказал, что Ричард Никсон, еще будучи вице-президентом США, когда захотел выразить свою благодарность за концерт, вел себя более прилично. Сам, с букетом цветов, пришел за кулисы крупнейшего концертного зала в Нью-Йорке и, несмотря на свой высокий чин, спокойно дожидаясь очереди, чтобы вручить цветы и визитку...

Из многих историй, услышанных в ту ночь, нас всех потряс рассказ о сарабанде. Сарабанда — старинный испанский танец. Он звучит в одной из фуг Иоганна Баха. После концерта Ростропович зашел к старинному другу известному французскому поэту Луи Арагону. Луи пребывал в глубокой печали: незадолго до этого умерла его жена, Эльза Триоле. Эльза происходила из русского семейства Брик, с которым был весьма дружен Владимир Маяковский. Во Франции она стала известным прозаиком. Вышла замуж за Арагона. С Луи они прожили долго, хотя иногда и случались более или менее длительные разрывы. И вот теперь ее не стало.

Луи сказал Мстиславу Леопольдовичу, что Эльза очень ждала его приезда, так как хотела услышать сарабанду. Не дождалась. Но если прийти на ее могилу — а Эльза была похоронена на пригорке в саду — и сыграть там, то она услышит, обязательно услышит и ее мятежная душа успокоится.

И они пошли. Стояла холодная ночь. Было начало года, и пощипывал морозец. Луну время от времени заволакивало тучами. Впереди по тропинке, со свечой в канделябре, шел согбенный годами и горем Луи. Он освещал путь. Пламя металось. За ним следовал Ростропович. Замыкал скорбную процессию старенький привратник, по сути давно уже ставший членом семьи, и нес виолончель.

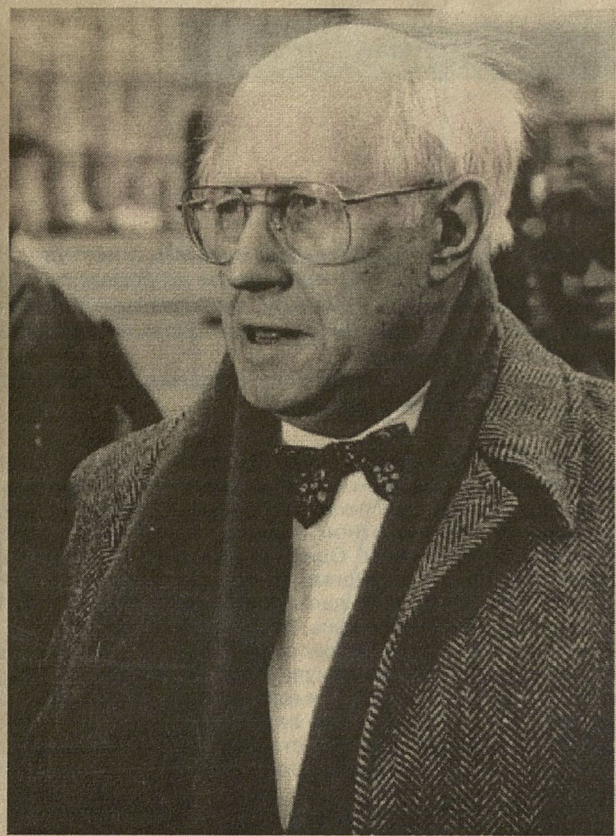
Подшли к могиле. Помолились. Луи, обращаясь к покойной, сказал, что он прощает ей все ее уходы к другим, так как знал, что она его любила. Любила и потому возвращалась. И еще сказал, что здесь Слава. Пришел выполнить ее последнее желание и сыграть сарабанду.

Играл Ростропович, стоя перед могилой на коленях. Окоченели ноги. Окоченели руки. Окоченели пальцы, и порой казалось, что они уже не то что водить смычком, но даже держать его не могут. Порой ему казалось, что и музыка, и виолончель, и он сам сплелись с окружающим их вечным покоем.

Как закончилась игра, как вернулись в дом — маэстро помнил весьма смутно. Он долго не чувствовал от холода ног, рук и особенно пальцев. И хотя с тех пор прошло несколько лет, наш гость продолжал считать, что это была самая лучшая сарабанда, сыгранная им...

Концерты. Сколько их было у Ростроповича? В отдельные месяцы до тридцати. За границей гонорар за один концерт колебался от 10 до 30 и даже 35 тысяч долларов.

— Так ты миллиардер, — заметил Моторин. — Нет, — ответил гость. — Почти все деньги идут филармонии. Мне же, как еще четырем выдающимся исполнителям, известным всему миру — Когану, Гилельсу, Рихтеру и Ойстраху, — установлена концертная ставка в размере 180 рублей.

Мстислав РОСТРОПОВИЧ

Из этой ставки музыканты сами доплачивали за проживание в приличных гостиницах во время гастролей за границей, хотя доходы от концертов Ростроповича превышали доходы чукотского артиста средней руки...

Распрощались мы со всеобщим сожалением лишь в шесть утра. В тот же день наш гость улетел в сторону Уэлена...

ИЗ УЭЛЕНА маэстро вернулся в совершеннейшем восторге. По реакции, восприятию зрителями и их нестандартному поступку тот концерт не имел аналогов за десятки лет выступлений артиста. При предусмотренных двух отделениях его продолжительность составила четыре, причем построенных оригинальным образом в результате экспромта и импровизации зрителей.

Начало, правда, было омрачено отсутствием рояля. Концертмейстер Дедюхин извлекал из старенького пианино какие-то дребезжащие, скрипучие звуки. Хотя как пианист Дедюхин, судя по рассказам Ростроповича, был прекрасный.

У Дедюхина тоже были свои приключения. Однажды он получил приглашение на знаменитый банкет победителей после Парада Победы в Георгиевском зале Кремля. И надо же было такой беде случиться, что, когда он начал играть один из маршей Фредерика Шопена, Генералиссимусу Иосифу Сталину пришлось сказать тост. К пианисту подбежал генерал: остановись, мол. Но пианист остановился лишь тогда, когда взял последние шопеновские аккорды. Словом, Генералиссимусу пришлось ждать. Потом за каждую минуту ожидания Верховного пианист расплачивался годами...

И пусть старенькое, дребезжащее пианино совсем не годилось для аккомпанемента, зал молчал, слушал и молчал как завороченный. И после каждого номера взрывался бурными, грозящими обрушить стены, аплодисментами.

Во время антракта Ростропович очень тревожился, насколько близок его классический репертуар (святая простота!) зверобоям.

Но вот кончился антракт. Маэстро даже не дали сесть на стул и буквально на руках аккуратно вынесли со сцены в зал и посадили в первом ряду. И тут же деликатно пояснили, что его игра не только понравилась, его выступление воспринято как вызов. И тут же на сцене клуба зарокотали ярары. Это было ответное слово местного ансамбля. Зрелище было захватывающим, эмоциональным и, по словам Ростроповича, никогда ранее им не виденным. Он даже ощущение времени потерял и опомнился, лишь когда все стихло.

Опустела сцена. Колыхнулся, закрывая ее, занавес. Второй антракт.

После антракта зрители тихо и чинно уселись в зале. И снова заиграл Ростропович. Он чувствовал себя раскованно. Виолончель, казалось, пела человеческими голосами. Гремели аплодисменты.

Потом снова был антракт. И снова по его окончании на сцену вышли уэленцы... Тот незабываемый концерт из четырех отделений длился, по воспоминаниям, не менее трех часов.

Когда пришла время улетать, вдруг запуржило. Ростроповичу сказали, что самолета, пожалуй, не будет. Но тут чудеса проявили пограничники. Они, одному Богу известно как, сумели посадить вертолет. Уже садясь в винтокрылую машину, Ростропович заметил бегущего к вертолетной площадке человека. Но «зеленые фуражки» никого больше ждать не хотели. И тогда Ростропович взорвался:

— Раз вам некогда, то я подожду сам, — сказал он. — Может лететь без меня.

Оказалось, к вертолетке спешил один из самых знаменитых уэленских резчиков по кости Туккай. Старый мастер осторожно передал Ростроповичу скульптурную композицию. Это был пеликен, но композиционно исполненный в совершенно необычном ракурсе. Он представлял собой человека, который держался за инструмент, чем-то напоминавший виолончель. Лицо человека неуловимо напоминало лицо Ростроповича. У маэстро, когда он принимал подарок, вдруг потекли слезы.

Игорь РИГА,

старший научный сотрудник Чукотского окружного музея

г. АНАДЫРЬ